

Зеленое небо, красные облака

ОБЕСЕДНИК

Сегодня в зале на улице Максимова открывается персональная выставка художника Олега Рожкова. Его работы находятся в Киргизском и Ярославском художественном музеях, в частных коллекциях в России и за рубежом, а также в морской резиденции президента РФ под Петербургом.

С этой вот последней подлинности и начался наш разговор. В ответ на просьбу рассказать, как оно так случилось, Олег Георгиевич ответил:

— Тут нет никакой моей загадки. К 300-летию Петербурга реставрация Константиновского дворца в Стрельне с участием его под руководством первого лица. В том же комплексе, на берегу Финского залива одновременно появились 25 гостевых коттеджей, предназначенных для размещения глав иностранных государств, прибывающих на торжество. Интерьеры каждого из них были оформлены предметами декоративного искусства, живописью, графикой одного из городов России. Так появилась ярославский «домик». Работы для него отбирала специально созданная в области группа искусствоведов, представителей департамента культуры, Союза художников. В числе этих работ оказались и две мои — пейзаж и натюрморт с розочками.

— У вас, по-моему, есть и своя загородная резиденция, которая для вас не менее значима? Я не ошибаюсь?

— В минувшем году я провел там полгода, с ранней весны до поздней осени. Мне такой тип жизни все больше и больше нравится. Для работы нужна тишина, отсутствие мелочей, которые в городе раздражают в разные стороны, некая самозащита.

Я родился в частном доме, мой сад был, рядом большой пруд, где мы в детстве бегали. Когда переехал в Ярославль, то сразу почувствовал, что мне не хватает вот такого общения с природой — непрерывного. В то время я работал в одной мастерской с художниками Яркими — Александром и Светой. Они пригласили меня на несколько дней к себе в деревню в Некрасовском районе. Потопа кругом, пейзаж невзрачный, какое-то уныние. А до этого я ездил в Борисоглеб три года подряд, жил в гостинице и работал вокруг монастыря. Монастырь был еще заброшен. Пейзаж очень выразительный — мне там казалось все интересно. А здесь чахлые деревца да еще неяркие дни стаяли. Сдумал, как они здесь живут?

Выяснилось, что там и другие художники обосновались. Что же они тут делают? Что тут можно писать? Никак не мог по-

тут. Желтые, роскошные. Решил взять этюдничек и вернуться. Пришел домой, а в это время народ с парохода в деревню возвращался. Слышу, меня зовут. Выхожу, а там деревенские стоят: «Ты ж художник! Мы тебе цветов нарвали. Напиши!». Смотрю, у них в руках мои ири-

стройка растянулась на годы. Я уже пятнадцать лет в Горках работаю — лет десять, наверное, ушло на это.

— В вашей биографии есть любопытная деталь. По первому высшему образованию вы совсем не тот, кем сейчас стали. Окончили Томский

университет, специальность радиофизика — в конце 1960-х — начале 1970-х — предел мечтаний многих, звали тайны космоса. Как же вы растались с таким даром судьбы? И еще, я не верю, чтобы такое прошло бесследно.

— Действительно, тогда в обществе это было востребовано, окружено романтическим ореолом. И я поддался. На третьем — четвертом курсе возникли первые сомнения, почувствовал, что занимаюсь не своим. Попался умный педагог, который посоветовал: доучись, а потом реши. Я продолжил учебу, вроде снова появился интерес к науке, после окончания университета меня даже оставили на кафедре. Но попал в армию, и там все решилось. Тем не менее университетские годы стали в моей жизни очень важными. До сих пор, как мне кажется, я все принимаю по законам фундаментальной науки.

— Со стороны видно одно: вы склонны к систематизации. То пишете подсолнухи во всех видах, во всех состояниях, в разное время суток и т. д. То вдруг начинаете писать деревья, и тогда кажется, что вас ничто в мире не интересует, кроме деревьев. Почему?

— Может быть, это действи-

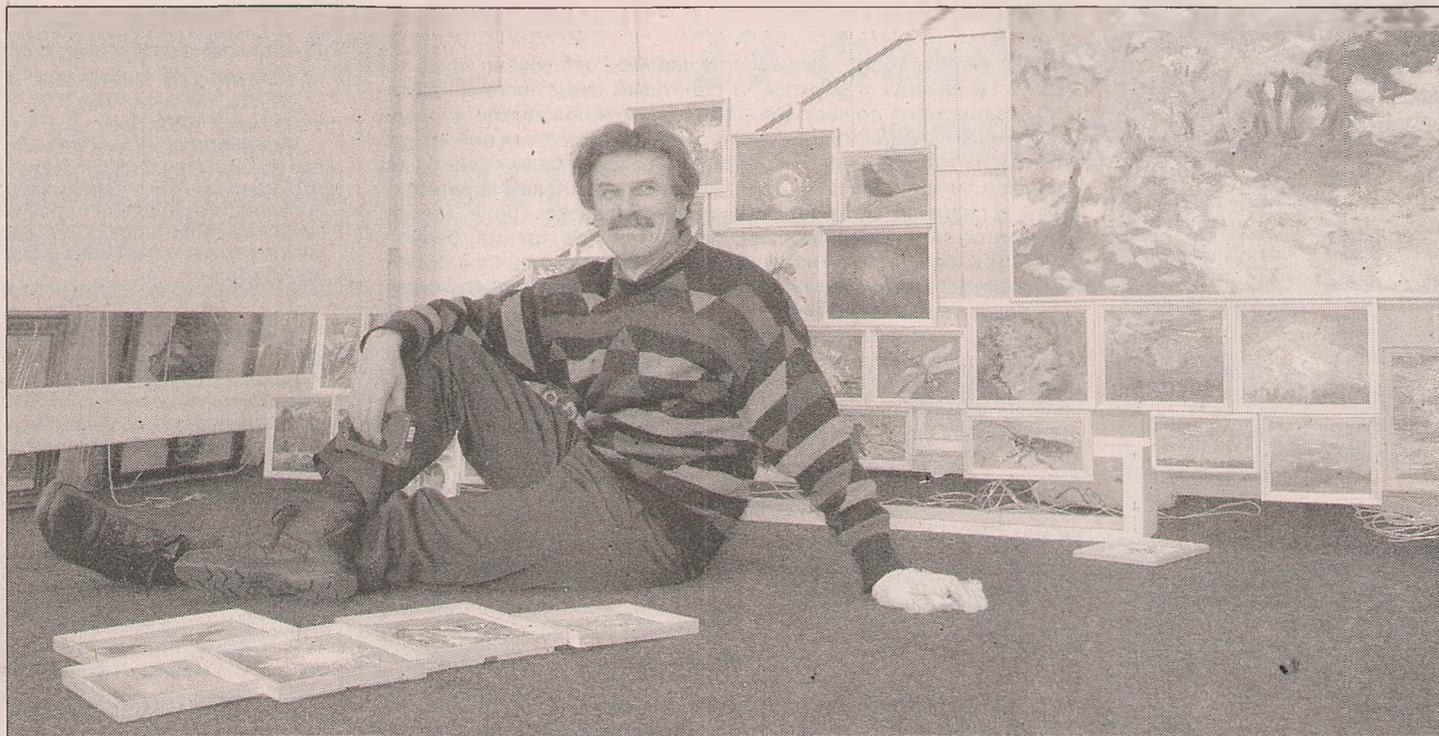

Фото Алены СОЛОВЬЕВОЙ.

нать. Порисовал немного — уехал. Через какое-то время еще раз пригласили — вроде чуть-чуть лучше пейзаж показался. Постепенно, наверное, за год эта красота начала мне приоткрываться. Неочевидная красота. В луже можно увидеть грязь, а можно увидеть и перламутр, и отражение неба. В общем, когда появилась возможность дом там купить, мы его купили. Мне кажется, и в народе у нас такое непоказное ценится. Если что-то есть настоящее, оно, хоть и не сразу, открывается.

— У вас даже голос дрожит, когда вы об этом говорите. Как будто помните сам момент, когда «открылось».

— Была поздняя осень, день пасмурный, туман. Птицы улетали. Там недалеко Волга — это очень обогащает ситуацию. И скит Толгского монастыря — место окултурное, облагороженное человеком еще в древние, древние времена.

— А сама деревня большая?

— Большая, за сотню дворов.

— Как местное население воспринимает художников?

— Ой, очень интересно! Когда мы уже собрались там обосноваться, я летом подготовился более основательно, сидел, писал, ходил вокруг, места разные высматривал. Однажды увидел что-то вдалеке, в болоте — залез, а там дикие ирисы цве-

сы. Выдрали там подчистую. Пришлось этот букет чем-то дополнить и написать его, работа, хоть и другая, все-таки состоялась.

Еще случай. Стою однажды, пишу какой-то пейзаж, а пастух гонит коров. Увидел меня, подошел сзади, постоял маленько и так радостно вопрошает: «Ну что, ничего не получается?» Я удивился: «Почему не получается? — у меня где-то на середине была работа, — все идет как надо». Он: «Ну да! Вижу! Одни мазючки».

— В общем, как я понимаю, деревня Горки становилась для вас все более одуховленной и одухотворенной.

— Примерно так. Потихоньку выявились интересные для меня места. Внутри деревни — часовня, пять прудов. Дома все крашенные: голубые, зеленые, один оранжевый дом есть, прямо-таки «пожарного» цвета. Я рос в Средней Азии, в Киргизии, в другой природной ситуации, а человек, тем более художник, питается детскими воспоминаниями. Мне было необходимо заново перенастроить себя, почувствовать по-другому времена года, времена суток.

Для этого пришлось написать определенное количество зим, полдней, вечеров, весен, утр — чтобы ощутить среднерусское состояние природы. Перена-

занн так писал свои яблочки. К сожалению, за ним мало художников пошло: искушений в жизни много, а это большой труд. Мне интересна исследовательская сторона живописи — может быть, это главное, что осталось от того периода жизни.

— В 1990-х годах у ярославских художников установились дружеские и творческие связи с немецким городом Ханану. Я знаю, что вы были одним из тех, кто с открытой душой пошел навстречу этому сотрудничеству, художники из Германии были не раз гостями в вашей ярославской мастерской, вы у них. Это на самом деле в творческом отношении интересно? Ведь современное искусство Германии и России такое разное...

— Эти контакты трудно переоценить. Они позволили, в первую очередь, познакомиться с музеями Германии. А они там потрясающие, в них хранятся предметы искусства многих эпох, в том числе мирового уровня. Кроме того, мы посещали музеи современного искусства. Мне раньше казалось, что такое искусство — нечто нечестное; за ним нет ничего, кроме желания продаваться. Но я убедился, что заблуждался. Как и в реалистической живописи, там есть и конъюнктура, но есть

и серьезные поиски. Традиционное искусство воспринимается через ощущения, а тут важно понять мысль автора. В современном искусстве Германии есть очень хорошие работы и есть эпатажные, ужасные. Я думаю, что как и для журналиста, мерилом для художника должно быть понятие этики. Не может стать предметом искусства обращение к анатомии, есть другие границы, которые внутри себя должен ощущать любитель, — я никому ничего не навязываю, но я так считаю.

— Мы с вами познакомились, когда вы были членом объединения «10-й этаж». Потом оно изжило себя, распалось, возникли новые объединения художников. А вы ни в одно из них больше не вошли. Не считая Союза художников России, в котором как были, так и остаетесь. В остальном работаете сами по себе. Почему?

— Любимый коллектив — это ограничение творческой свободы. И вообще, глядя на историю таких сообществ, убеждаешься, что чаще всего люди объединяются чтобы выжить, лучше выглядеть, а не для творческих целей. Сейчас мне кажется, что продуктивнее сидеть в деревне, созерцать, размышлять о жизни, об истории. И работать.

— Ваша выставка называется «Цвет времени». Можно понять это в метафорическом смысле — жизнь на всем своем протяжении переливается разными цветами. Или тут другой смысл?

— В какой-то момент мне стало понятно, что интерес в искусстве для меня лично лежит в области цвета. XX век занимался формой, но можно идеально написать форму, а внутри пустота. Проблема цвета интересует меня давно, дипломную работу на своем художественно-графическом факультете я делал по цветоведению. Я пришел к выводу, что художник не должен копировать цвета природы. Нужно создавать новую цветовую конструкцию, которая на уровне ощущений передает другому человеку то, что чувствуешь ты сам. И получается более правдиво, чем видит глаз.

На этой выставке подобраны такие работы, где, например, зеленое небо, красные облака, а для меня это ощущение дождливого дня. Мне интересно двигаться не к все более точному «повторению» природы, а к созданию некоего живописного «заряда», который способен вызвать те или иные ассоциации, эмоции.

В последнее время я пытаюсь гармонизировать самые яркие цвета. Хочется расширять спектр приемов, которыми пользуетесь.

Татьяна ЕГОРОВА.